

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

И. М. ГРЕВС

В годы юности

<...> Поднимается в памяти лицо Владимира Ивановича Вернадского. Уже тогда он был определенно выраженный, очевидно, очень талантливый будущий научный исследователь, натуралист-экспериментатор, но с философскою складкою ума, со склонностью даже, казалось мне, к спиритуализму. Последнее влекло меня к нему: он рисовался близким, несмотря на далекую специальность. Он живо интересовался гуманитарными науками, историею, правом, религиею. У него образовались очень раскинутые вкусы, и он приобрел большие разнородные знания. Начитанность его была поразительна. Он одарен был способностью умно прочитывать трудную книгу с необычайною быстротою, и особый стол у него был завален множеством очередных томов, не залеживавшихся понапрасну*.

К постоянной напряженной жизни мысли Вл. Ив. Вернадский привык уже в гимназии**. В университете же он раскрывал положительно редкую рабочую силу — достиг удивительного уровня научной подготовки и, думаю, работал уже самостоятельно.

* Такая прозорливость на чтение сохранилась у него до сих пор. Правда, над ним посмеивались, будто бы он читаемых книг не оканчивает. Он реагировал на это молчаливою усмешкою и вел свою линию огромного потребления разнообразнейшего материала. Непременный вопрос о новой научной книге всегда был у него: а литература там указана?

** Он учился в гимназии в Харькове, где отец его был профессором политической экономии, потом кончил курс в петербургской Первой. Интересен собственный его рассказ о гимназических и студенческих годах в воспоминаниях об умершем друге его, профессоре А. Н. Краснове. См. изданный в память о нем сборник — «Профессор Андрей Николаевич Краснов» (Харьков, 1916)¹.

Полный, розовый, сдержанно приветливый, улыбающийся и наружно тихий, он смотрел на людей с уравновешенным, критическим вниманием. Но в движениях его чувствовалась нервно-сть, в словах и тоне проглядывала легкая насмешливость, в действиях иногда род задора. Говорил он неровно, путаясь, не доканчивая фразы, бросая мысль и переходя к другой, завершая улыбкою, которая прикрывала многоточие; но в необработанной речи ощущалось внутреннее лицо, даже вскрывалось упорство формы.

Вернадский слагался ярко выраженным индивидуалистом; но он не был никак противообщественным и отнюдь не походил на скептика. В мягких светлых глазах из-под очков просвечивало некоторое «себе на уме» малорусского типа (он настойчиво именовал себя украинцем). Он умел промолчать в сложной коллизии фактов и отношений, постоять, посмотреть, как будет, не идя на опрометчивый шаг или наивно-прямолинейный поступок; но то была не хитрая уклончивость на эгоистической подкладке, а умное воздержание при понимании трудности положения, нежелания попасть впросак.

Неуступчивый, но и неприхотливый, он являл себя иногда упрямым в разных любимых пунктах, но не капризничал по мелочам. Он был ценный друг, умевший, если захочет, войти в другую душу. Он еще студентом соприкасался с некоторыми (довольно видными) революционерами; в нем пробуждены были политические стремления, но свободу своего духа от радикальных шаблонов он умел сохранить. Он был критик и идеалист.

Помню, как впервые я внимательно всмотрелся в Вернадского, когда, идя раз с Ольденбургами по набережной Невы на Васильевском острове, мы встретились с ним. Остановились, и они вступили в долгий разговор. Я больше глядел и слушал, и ясно тогда почувствовал в нем без треска искрившееся многообразное содержание души, благие свойства которой, еще не слившиеся, однако уже энергично взаимодействовали.

Еще помню, на меня сильное впечатление произвела его комната в квартире, где он жил с матерью на Надеждинской: темная, в нижнем этаже, во дворе, она заставлена была книгами и какими-то научными приборами. Единственное окно закрыто было почти все большою клеткою с разными птицами: представлялся невольный кабинет алхимика, полный тайн и чудес². <...>

